

Татьяна ОРБАТОВА

Мифология тела

все дальше пустыня гоби от наших с тобою лун,
все явственней переходы в подземные миражи.
кружить по оси — привычной, и только мальчишка-гунн
вдруг в генном плену очнется, и вмиг от скупой межи
(кусочка земли с обличьем забытого нами дня)
помчится на запад шумно. вернется ли он на юг?
где краскам давно под солнцем приказано не линять,
где чувствам не отозваться на хор... нет, на общий звук —
торговцев и гастарбайтеров, как вестников черных зим.
но... впрочем, с тобой придумали мы — черные покровы,
для скрывать всеусталости, которой болеет мим,
для совести, выступающей за равные с ним права...

и когда марсельезу играет нам ветер на крыше,
и когда из морских одиночеств — скользкая манта
колыбельную нам напекает под вечер — мы дышим,
машинально листая в себе философию канта.
но с ладоней деревьев срываются теплые слезы
в кистеперую память, плененную в соке клепсидры.
до мгновения этого все виноградные лозы
нам казались забытыми в плоскости старой палитры.
до мгновения... рядом зашлись в астматическом кашле,
сигаретную просесть на лбах поправляя, — народы.
сколько их в наших клетках — глядят на просторные пашни,
примеряя, как платья, еще не рожденные хорды.

звери и птицы бьются под панцирем наших тел,
лапами — на зеро, — чтобы услышать нас,
не попирая Азъ и законы небесных дел,
знающих объектив — вписанных в рыбий глаз.
звери и птицы, сколько продлится ваш плен?
сколько вершин достичь нам вместе и врозь?
скольких из вас увидел в себе гуинплен,
скольких не видим мы, проживая вскользь...
в мрачном кругу безволия, в стенах своих квартир
блеклый последыш памяти высушен, но живет.
слышит — компрачкосы рожают, рожают в мир
каменных истуканов из озера черных вод.

дороги, дороги, пути — от покоя до битвы...
начало берут из сердечного ритма и выются
от локона страсти до вязи безмолвной молитвы —
к большим кулакам, что сжимает на площади нунций.
звонит нас к заутрене — кто? голоса безымянны.

но бритва оккама готова к работе, как прежде, —
из абрисов тел, отражающих тени в туманы,
срезает слоями ненужное — слишком небрежно.
дороги, дороги... проснутся ли в нас далай-лама,
кричащий во сне инквизитор, седой герменевтик?
срезает, срезает ненужное бритва оккама,
пока золотые тельята купаются в нефти...

дни замерзают от ветра, когда их считают.
дни соляными столбами стоят у дорог —
по номерам и по датам. тропинка витая
кажется длинной, и долгим — пожизненный срок.
в гуще туманов — лишь тень фиолетовых крыльев.
гулко стучит по вискам водяной метроном.
хочешь колумбом ты быть? и в далекой севилье
ты побываешь однажды... в обличье ином.
встретишь в соборе того, кто антверпенской розой
звал чью-то душу, лаская холодный кристалл...
судьбы свои назовете скучнейшей прозой,
вслух рассуждая: кто больше от жизни устал.

хочешь ты быть отражением генриха крамера?
тело желанное в огненных струях топить?
женщины тело нагое — в тюремную камеру
бросить, как куклу, срезая бесовскую нить?
плоть истязая, молитву шептать у покойницы
с тонкими пальцами, ранее чувственным ртом?
зная подспудно, что сила божественной вольницы
не в энтропии безумья. но правит фантом —
спит милосердие... разум — в порыве величия,
тени сомнения в полдень исходят на нет...
"праведник крамер" карает во имя приличия? —
жертвенной кровью питает свой истинный цвет.

травы безропотно жухнут по воле Ярила...
ночи — подлунные сводни — знакомят со страхом.
думаешь, где-то лилит на мгновение явила
будущих демонов над человеческим прахом.
и, уменьшая величье космических лоций,
и, умножая без меры количество бедствий,
вдруг забываешь согласие свое с песталоцци,
сердцебиенье снижая лекарственным средством.
яркими снами — в небесных полях персеиды,
но алфавит их писаний тебе не по силам.
молвишь: "за что?" — проклинай лихие планы,
с тайной надеждой на черта и... божию милость.

пляшет махаон над уснувшей троей,
желтый, черный цвет в красной бузине...
веришь или нет — смерть тебя не тронет?
видишь или нет — кровь свою в вине?
порохом войны щели конопатят —
в замках и дворцах. молкнут небеси.
слышишь шепот, там... в самой бедной хате:
"Мать Божия, сыновой спаси..."?
слышишь, как скрипит мир седой, но зыбкий,
ветру дань свою выплатив сполна?
дни несут в рассвет прошлого ошибки
с привкусом земли, свежего вина...

...и только робкий взгляд со дна первооснов —
из створок бытия, улиточной одежды,
скользнет по облакам. над чашами весов
оформится в мечту, но... обнулится — между
золаю и огнем. лишь память глагол —
любить! тебя любить, как встарь, и не иначе,
спешит из сердца ввысь — в заоблачный подол,
туда, где весны все, несбыточные, плачут
капелью давних снов, в которых нам с тобой
дано с избытком встреч и нежности избытком.
с беспомыслия, с нуля — безмолвною рабой
иду на голос твой. но холодно и зыбко...

Фотография Олега Владимирского.

Илья РЕЙДЕРМАН

Книга читателя,
или Актуальная классика

Валерий Хаит издал довольно толстую книгу дневниковых записей, статей разных лет, размышлений, и назвал ее "Книга читателя". Читать эту книгу — наслаждение. Открыл наугад — и находишь длинные цитаты, чаще всего до боли знакомые. Но перечитывать это знакомое радостно: кто-то другой восхитился вместе с тобой. А главное: вранье, будто классическая культура умерла. Тексты, к которым разные люди, ничего не зная друг о друге, идут разными путями, — это и есть живая классика. Впрочем, я бы употребил еще одно слово: актуальная. Значит, существующая сейчас — уже не в силу авторитета (авторитетность классики, увы, в нашу эпоху утрачена), а в силу каких-то других факторов. Каких? Я бы сказал: в силу факторов уже не объективных, а субъективных. Например, таких, как отменный вкус.

Но ведь говорят, что о вкусах не спорят. И в самом деле — вкусы у всех разные. Валерий Хаит — писатель-сатирик, и в числе его приоритетов, естественно, Жванецкий, Довлатов, Игорь Иртеньев. У меня несколько иные приоритеты. Но это не мешает нам вместе любить Пушкина, Пастернака, Заболоцкого, Ходасевича... И не любить, предположим, скандально известного Сорокина. А главное, все, что он цитирует, —

убеждает! Даже его собственные стихи, в большинстве своем весьма неплохие.

Оказывается, если не спорить о вкусах, — то вкусы нас объединяют! Конечно, если это хороший вкус. Обладание хорошим вкусом было свойственно всегда людям культуры. И в первую очередь, аристократам. Существовали вкусы "высокие" и "низменные", свойственные мещанской публике. Слушая музыку в филармонии или смотря на картины на вернисажах, — я не могу не думать о том, что утерян хороший вкус, а заодно и чувство стиля, тем паче Большого стиля. А без этого нет культуры. Это воспитываться должно с детства — в культурной среде. Или, по крайней мере, на верстываться интенсивнейшим самообразованием. Последнее было характерно для людей моего поколения.

У сегодняшних "творцов культуры" — нет хорошего вкуса, зато они демонстрируют наглую безвкусицу, выдавая это за новаторство.

Прежде говорили: интеллигентный человек! И добавляли: начитанный! И еще — интересный собеседник! И интеллигентность, и "интересность", — как видим, в прямой связи с "начитанностью". С умением рыться в книгах, выбирать нужную, просеивать золотой песок строк, выбирая золотинки

смыслов. Мы, шестидесятники, были именно такими. Тем паче, что многое в культуре прошлого было в то время под запретом. И стихи Мандельштама, и "Август" Пастернака, и очень многое другое... Русский "Серебряный век" был как град Китеж, под водой.

Да, это действительно книга Читателя. Мне очень нравятся его дневниковые записи конца шестидесятых (как раз в те годы, когда он был капитаном команды КВН). Вот он читает "Чехов и Толстой" В. Лакшина — и перечитывает Чехова и Толстого. А заодно пишет в качестве отклика стихотворение "Роман" — прямо в духе позднего Пастернака. И добавляет тонкое размышление о том, а любила ли еще бросающаяся под поезд Анна — Вронского? Может быть, она "любила любовь", — и отсутствие любви убивает? Все мы "любим любовь" — в самом широком смысле этого слова. Любовь к миру и к людям — рифмуется с любовью к книге, к культуре. Возможны ли одна без другой?

Валерий Хаит написал "открытую книгу" — книгу, в которой открылся, распахнул мир своих пристрастий, мыслей, дневниковых заметок. Это всегда требует мужества. Ибо автор, так "открывшийся", — беззащитен. Всякий по-снобиистски может его упрекнуть. Так бесстрашен в своей беззащитности и всякий

лирический поэт. Он ведь душу распаивает. Поэтому, кажется, сегодня и перевелись лирики! Стихи пишут, но... пишущие — как бы и не лирические поэты. Прикрываются то ли холодноватым интеллектуализмом, то ли иронией. Вот и Хаит вооружен иронией — хотя бы в силу профессии. Сатирик, издатель "Фонтана". Ирония — это способ выжить, смеяться, расставаясь при этом со своим прошлым (и прошлым своей страны). Но главное — это защитное приспособление, способ охраны ранимой души. Мы, шестидесятники, умели смеяться. Но в следующую эпоху, как мне казалось, засилье иронии стало свидетельством, что с культурой что-то не вполне в порядке. Ироническая поэзия вытесняла лирическую. Тем радостней мне убедиться, что под иронической улыбкой Валерия Хаита — скрыта душа лирика. Впрочем, разве не таковы Гоголь, Зощенко, Довлатов?

...Не стану говорить, что эту толстую книгу — почти в шестьсот страниц — прочел от корки до корки. Но... "выковыривал изюм" — те места, в которых испытывал "чувство глубокого удовлетворения" от полного согласия с автором. Например: "скабрзные подробности. Можно ли обо всем писать"? Это о мемуарах и биографической литературе. Или "Мне было любопытно. Душу это не трогало. Никому не

сострадал" — об очередном современном шедевре, может быть, даже чуде искусства, в котором есть все, кроме самого чуда. Или — "почему душа так отзывается на гармонию? Видимо, она знает что-то такое, чего не знаем мы". По записям видно, что еще совсем молодой Хаит знает: художник не должен суесться, — и тогда он остается наедине с самим собой и Вселенной. Но как трудно исполнить этот завет! И тут — чтобы закончить статью — приведу данную в книге Хаита цитату, которая совпала с моими размышлениями на эту же тему. Так сказать, "перечитую".

"...с постмодернизмом сегодня спорить страшно — тебя тут же обвинят в отсталости. Культура распалась сегодня на тусовку... и на творческие индивидуальности, которые утратили потребность группироваться... Их размышления, их творчество — почти частная жизнь. Возможно, в XXI веке из этой мало замечаемой нынешней публикой среды разовьется новая социальная элита — элита, владеющая культурно-историческим опытом мысли и чувства". Нельзя не признать, что главная беда нашей прошлой современности — как раз в утрате массовым человеком этого культурно-исторического опыта мысли и чувства. А как его обрести заново? Да еще в отсутствие культурной среды? Телевизор ли поможет, компьютер? Думаю, есть лишь одно средство — книга. Только нужно... заново учиться читать. Читать так, как читает Хаит. Благодарно! ("Не говори с тоской: их нет, Но с благодарностью: были"). Читать, ведя дневник чтения, размышляя по поводу прочитанного, задавая вопросы, недоумевая, порой возмущаясь. Словом, откликаясь душой, которая, как писал поэт, тоже благодарно помянутый в книге Хаита, "обязана трудиться"...